

IN MEMORIAM

Д.П. Бак

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА НИКОЛАЕВИЧА ТОПОРОВА

В течение нескольких недель филологическая наука лишилась тех, кто на протяжении долгого времени был ее поддержкой и опорой. Перед лицом постигших нас утрат трудно или рано говорить о том, что *будет* с филологией без тех, кто ушел от нас в последние дни и недели. Но можно попробовать с предельной осторожностью и тактом поразмыслить о том, что *было* с филологическим порядком осмысления жизни, когда те, о ком мы сегодня скорбим, были рядом.

Владимир Николаевич Топоров, без сомнения, принадлежал к устроителям филологической мысли, его сочинения воздействовали не только конкретными результатами – на состояние науки, но и самой спецификой научного зрения – на жизнь всех, кто читал его работы.

О единстве наследия Владимира Николаевича говорить *трудно*, ибо говорить почти некому: широта его интересов, ренессансное разнообразие и глубина эрудиции могут быть явлены современникам только по частям, соответственно их профессиональной компетенции. О единстве наследия Владимира Николаевича Топорова говорить *легко и необходимо*, поскольку его (единства) присутствие было внятно всякому, кто читал и любил его книги и статьи. Каждый понимал простую вещь: о чем бы ни писал Владимир Николаевич, – об истории русской святости или о культурном образе Энея, о «Бедной Лизе» Карамзина или о «странном Тургеневе», о «петербургском» тексте русской литературы или о славянской мифологии –

это всегда была одна, пусть бесконечно обширная книга, вернее, развернутая реплика, непрерывное заинтересованное обсуждение темы.

Многим из тех, кто работал рядом с Владимиром Николаевичем (я, к моему счастью, из их числа), мог некоторое время наблюдать за его работой, казалось, что он знал абсолютно все и обо всем. Изумлял даже не гигантский объем познаний, а парадоксальная их готовность, «ставшестъ». Когда мы с Еленой Петровной Шумиловой готовили к печати книгу Владимира Николаевича о «Бедной Лизе»¹, то раз за разом наблюдали, как за пределы впоследствии напечатанного «основного» текста вытеснялись огромные содержательные фрагменты, главы, разделы. Словно бы между прочим, Владимир Николаевич написал, например, обширное исследование о «семантическом ореоле» имени Лиза в русской литературе и культуре от 18 века до 1990-х годов. Этот (не вошедший в книгу) текст непрерывно пополнялся – стоило кому-нибудь только начать фразу о том, что имя Лиза встречается в текстах, допустим, Николая Сушкова, наутро являлись несколько больших страниц, исписанных твердым почерком Владимира Николаевича – исчерпывающий конспект о «Лизе» у Сушкова. Этот конспект вполне можно было бы развернуть в книгу и даже в несколько томов о «Лизином тексте». Владимиру Николаевичу словно не надо было ничего «изучать», нужно было просто «вспомнить», что и об этом можно и нужно написать.

Модель построения текста, состоящего из бесконечного количества периферийных комментариев к отсутствующему ядру широко известна: от «ризомы» Делеза-Гваттари до «Бесконечного тупика» Галковского. Однако сходство здесь только поверхностное, оно заключается в общем для обеих сторон отдалении от образа традиционной научности, пересмотр соотношения: «реальность – источник – научная интерпретация», *позитивные* же установки здесь совершенно различны.

Особый «образ научности», присутствующий в филологии Владимира Николаевича Топорова, может быть описан как *стремление к созданию «источника»* в изначальном значении этого слова. Отвлечемся от споров, ныне кипящих вокруг самого понятия «источник». Владимир Николаевич, приступая к теме, стремился осветить ее с абсолютно всех доступных и возможных сторон, «всплошную», порою без разграничения главного и периферийного, масштабного и миниатюрного. Так некогда поступал человек (которого потом назовут «историком»), прослышавший о неких неизвестных племенах, морях, войнах – об этих материях надобно знать каждую мелочь. После начиналась многовековая критика источников, кропотливое сличение упоминаний, слов, мнений. Именно этим и предстоит заниматься читателям и исследователям Владимира Николаевича – работы хватит надолго.

«Талант двойного зренья» неотъемлемо свойствен филологическим опытам Владимира Николаевича. С одной стороны, почти абсолютная осведомленность: нередко он начинал статьи с индоевропейской реконструкции понятия, которому она посвящена. С другой стороны, позиция человека, испытывающего самый неподдельный, неакадемический интерес ко всем проявлениям жизни. Он часто упоминает в своих поздних трудах понятие «кэносиса» (самоумаления, самоистощения Творца в творении), иначе говоря – уменьшение собственного присутствия в мире. Подобное самоумаление в высшей степени свойственно Владимиру Николаевичу – ученому и человеку. Двойственность оказывается мнимой. Отягощенность познанием снимается, благодаря всегдашнему сохранению наивности и прозрачности восприятия. С точки зрения этой высокой наивности равновелики индоевропейские реконструкции и прогулки по Москве с рассказами о том, что происходило на протяжении столетий буквально на каждом квадратном метре любимого города, фундаментальные труды по истории святости и последние спортивные события.

В предисловии к одному из сборников своих работ Владимир Николаевич пишет: «В центре этой книги, глубже ее эмпирического уровня находятся проблемы мифопоэтического, символического, архетипического как высшего класса универсальных модусов. Отношение художественно-литературных текстов <...> к этим модусам, по меньшей мере, двоякое: тексты выступают в “пассивной” функции источников, по которым можно судить о присутствии в них этих модусов, но эти же тексты способны выступать и в “активной” функции и тогда они сами формируют и разыгрывают мифологическое и символическое, открывают архетипическому путь из темных глубин подсознания к свету сознания»².

Воздействие собственных филологических текстов Владимира Николаевича Топорова на филологию и на жизнь как таковую здесь описано очень точно. Когда-то меня поразила фраза, мимоходом брошенная одним из участников бесконечных споров начала прошлого века. Кажется, он говорил, что, не будь сформулированы апории Канта, нечто изменилось бы в нашем зрении, в нашем предсмертном шепоте. Книги Владимира Николаевича Топорова написаны, значит, нашему филологическому зрению ничто не угрожает.

---

¹ Топоров В.Н. «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения. М., 1995.

² Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 4.